

Полотно без рамы

Приношение Иосифу Бродскому

Общая газета. - 1999. - 28 янв. -
- 3 февр. - с. 10.

Иван
ТОЛСТОЙ

В ОДНОЙ из графических шуток Морица Эшера проворная ящерица совершает цикл своих странных превращений. Вот она еще вся рисованная, неотделимая от плоскости листа, вот голова и лапы исполняются животворящего объема, вот почуяла на плечах еще не появившиеся крылья, наконец — вся ожила, и дальше, по кругу, обратно вливается в ватманский лист, без остатка уплощается перед повторным циклом.

Листая новый фотоальбом Марианны Волковой, вспоминаешь эту эшеровскую метаморфозу, метафору жизни. Альбом называется «Портрет поэта. Иосиф Бродский. 1978 — 1996».

230 нью-йоркских фотографий Бродского. Один объект, один объектив. В истории русской культуры подобное событие — первое.

Следить за мимикой великого человека есть наука самая занимательная. Как на работу (впрочем, без всяких «как»), Волкова 18 лет подряд ходила по пятам за Бродским, запечатлевая все метамор-

фозы своей модели. Он — вечно ускользающий объект, живущий сам по себе. Она — его фотобиограф. «Иметь дело с Иосифом, — говорит Волкова, — было мучительно трудно. А уж тем более — фотографировать».

Собственно говоря, в этой новинке не так уж много полностью нового. После эмигрантов и российских читатели 90-х успели привыкнуть к фотографиям заокеанского классика. Еще обширнее читательской — зрительской аудитория. Все телевизионные каналы время от времени показывают фильмы с Бродским и «не только Бродским». Однако альбом, выпущенный по инициативе Галины Соколовской в нью-йоркском магазине «Рашн Хауз», претендует на другое.

Это своего рода антология материалов о последних двух десятилетиях лет, прожитых поэтом в Нью-Йорке. Литературная и фотографическая части, сосуществующие в книге равноправно, могли бы увидеть свет и порознь — обе по своему увлекательны, но обе от соседства выиграли.

«Портрет поэта» открывается предисловием Льва Лосева «Отпечатки света» — о «фотографической образности» у Бродского, о

фоторемесле отца, о том, что герой альбома — «и сам фотограф».

Семь этюдов Александра Гениса сопровождают семь разделов альбома: «44 Мортон», «Учитель поэзии», «Лицо», «Диалог», «Русский Дом, Нью-Йорк, 21 апреля 1992 года», «Последние годы», «Проводы».

Объективу Марианны Волковой принадлежат давно уже классические подборки: «Иосиф Бродский в Нью-Йорке», «Не только Бродский», «Юрий Любимов в Америке», «Там жили поэты». Каждая из этих книг — литературно-фотографическое издание, где сопровождающий текст дополняет, комментирует, оттеняет портретный снимок. Соавторы Марианны — ее муж музыковед Соломон Волков и писатель Сергей Довлатов — делают книгу совместную. Работа портрета, блестящая в Марианном случае сама по себе, резко выигрывает от соседства с литературой.

В «Портрете поэта» фотомастерица отважно взялась показать профессию своего героя. Добро бы герой тачал, сверлил, управлял. Ремесло Бродского — думать. В послесловии (с более чем литературным заглавием «Мой Бродский») Волкова пишет:

«Моя любимая серия снимков

Бродского сделана во время его выступления в «Russian House», русском книжном магазине в центре Нью-Йорка. Читал он тогда три с половиной часа без перерыва, ни разу не присев. В России, к великой печали, никогда уж не узнают, что это такое — вечер стихов Бродского в авторском исполнении. Вот почему я считаю этот цикл портретов уникальным. Он запечатлел развитие мистерии от начала до конца. То, что Бродский, читая свои стихи, превращался в шамана, является ныне фактом общеизвестным. Моя серия вскрывает механизм этого шаманизма, потому что видно, как именно человек работает: осматривается, разогревается, раскручивается, втягивается сам — и втягивает других в мощную воронку своего вдохновения, покрывается постепенно потом, отчаивается и воспаряет».

Марианна Волкова влюблена в эту голову, в этот взгляд, в мысль и мимику. Однако не по принципу «от удачного кадра к великолепному» построен этот альбом, хотя кадры именно таковы. Не в желании явить одни только ракурсы обложечного качества, хотя их пруд пруди.

Важно отсутствие рамок, полей, границ. Края фотографии пе-

ретекают в пальцы читателя, вы не страницы листаете, а сдвигаете портгверы времен.

Смелость Волковой — в допущении того, что принято считать браком: вот Бродский моргнул, вот рассеян, но не поэтично, а очень бытово, вот опять моргнул и опять, вот завидел кого-то в толпе. Он как будто движется, но впечатление это ложно. Прав Генис: «Даже составленные вплотную снимки передают не движение, а череду состояний, прореженных пустотой, как колонны в портике».

С большой эмоциональной силой Волкова составляет последний раздел альбома — отпевание. Здесь Бродского нет. Крупные черты горя. Явственно слышен орган. Сильнейшее впечатление.

Один только кадр в книге не похож на все остальные. Самый первый, на титульном развороте. Словно другого фотомастера. И хотя в середине фотоальбома он повторен, отличие разительно. Это единственный портрет, заключенный в рамку. При всей своей эффектности, он противоречит концепции книги, утверждающей: полотно жизни не делится, поэт и туняец едины. Обрамленный Бродский — это кадр, необрамленный — это миг жизни.

